

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

САННИКОВА Ольга Владимировна

УДК 808.4-3

ПОЛЬСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Ю.02.03 - Славянские языки

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 1990

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики АН СССР

Научный руководитель - кандидат филологических наук С.М. Толстая

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Т.М. Николаева

кандидат филологических наук А.Ф. Журавлев

Ведущее учреждение - кафедра славянской филологии
Московского Государственного Университета имени
М.В. Ломоносова

Защита состоится " " _____ 1990 г. на заседа-
нии специализированного совета /Д.002.97.01/ при Институте
славяноведения и балканистики АН СССР /Москва, Ленинград-
ский проспект, 7/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики АН СССР /Москва, Трубниковский
пер., 30-а/.

Автореферат разослан " " _____ 1990г.

Ученый секретарь специализированного совета

Т.В. Михайлова

Настоящая диссертация выполнена в русле работ этнолингвистического направления, рассматривающих терминологию традиционной народной духовной культуры как источник культурной информации.

Предметом исследования является польская мифологическая лексика — один из древнейших пластов основного лексического фонда, отличающийся от других лексических групп тесной связью с народными мифологическими представлениями. Мифологическая лексика включает названия мифологических персонажей (далее МП), а также обозначения субъектов, объектов и действий колдовства, действий, характерных для МП (глаголы с семантикой "пугать", "вселяться"), названия мифологизированных животных, болезней и т.п. Под МП, названия которых составляют ядро мифологической лексики, мы понимаем персонажей, относящихся к так называемой низшей мифологии, или демонологии. Это различные демоны, связанные со "своим" (дом) и "чужим" (лес, болото, водоемы, поле, горы) пространством, управляющие атмосферными явлениями, вызывающие и персонифицирующие болезни и проч.

В отличие от высшего пантеона славянских божеств, свидетельства о котором в источниках единичны и нередко неточны, низшая мифология дает массовый аутентичный материал для реконструкции древнейшей славянской духовной культуры.

Специфика рассматриваемой лексики обусловлена особым, необычным характером обозначаемого ею мира, который мыслится как противопоставленный человеку, чуждый ему, но и "сосуществующий" с ним. Особое отношение к этому миру отражено в лингвистических характеристиках мифологической лексики: в ее семантике и структуре, в ее особом семиотическом статусе, в специфике ее функционирования.

Основная цель работы — анализ польской мифологической лексики как части плана выражения и механизма архаической народной культуры, выявление характера соотношения языкового и экстралингвистического уровней. Специфика предмета исследования и поставленная цель требуют особого этнолингвистического подхода к материалу.

Польская мифологическая лексика как лексико-семантическая группа еще не была предметом специального лингвистического исследования (ср. работы Д.К.Зеленина, О.А.Черепановой, Н.И.Зайцевой, посвященные названиям МП у русских, чехов и словаков), хотя существуют ценные лексикологические и этимологические исследования отдельных групп этой лексики (работы Б.Сухты, Х.Поповской, Габор-

ской, Х.Бень-Бельской, Э.Масловской и др.). Недостаточно полно представлена мифологическая лексика в словарях.

З а д а ч и диссертации объединяются в три блока. 1. Установление возможно более полного корпуса польской мифологической лексики, главным образом названий МП, на основе всех доступных источников. 2. Изучение системной организации этого фрагмента языка и его отношения к экстралингвистической действительности. Этот подход, традиционный для исследований различных лексико-семантических групп, предполагает несколько аспектов: а) семантический (изучение семантических мотивационных моделей и взаимодействия рассматриваемой терминологии с другими семантическими сферами языка); б) структурный (установление используемых словообразовательных моделей); в) генетический (определение корпуса исконной и заимствованной лексики); г) ареальный (изучение локальной, общепольской и более широко распространенной лексики, степени диалектной дифференцированности мифологической лексики). 3. Третий круг задач связан с функционированием мифологической лексики в системе традиционной духовной культуры (в ее ритуализированных и бытовых формах), с отношением к ней носителей традиции (табуирование, народная этимология, этимологическая магия) и с той ролью, которую играет мифологическая терминология в структурной и семантической организации текстов, принадлежащих различным фольклорным и речевым жанрам. Этот подход, обусловленный спецификой нашего предмета, возникает при этнолингвистическом взгляде на культурную терминологию; к польскому материалу он применяется практически впервые. Первые исследования подобного рода были предприняты С.М. и Н.И.Толстыми, Г.В.Цивьян, Е.Бартминьским. 4. Сопоставительное изучение польской мифологической лексики в сравнении с соответствующей лексикой соседних традиций: инославянских (особенно восточнославянской), балтийской и германской. Привлекаемый к сравнению германский (преимущественно немецкий) и балтийский (литовский, латышский, прусский) материал не был в диссертации предметом специального систематического анализа, поэтому и само сравнение не носит системного характера, оно дает лишь некоторую, более широкую европейскую перспективу для анализируемых польских данных и по мере необходимости и возможности выявляет параллели, касающиеся разных уровней — семантического, словообразовательного, текстологического. Шире используется инославянский и особенно восточнославянский (прежде всего полесский) материал.

Проблематика работы относится как к традиционным лингвистическим дисциплинам (лексикология, этимология, словообразование, семантика), так и к таким разделам языкознания, которые лежат на его периферии и объединяют его с другими гуманитарными дисциплинами. Это прежде всего этнолингвистика, изучающая культуру сквозь призму языка и примыкающая к этнографии духовной культуры (обрядность, верования, мифология); коммуникативная лингвистика, теория речевых актов, лингвистическая прагматика, изучающие язык в его функционировании и примыкающие к социальной, этнической и индивидуальной психологии, теории поведения и т.п.; наконец, это лингвистическая структура текста и поэтика, смыкающиеся с фольклористикой и литературоведением.

В диссертации использованы и источники нескольких видов: 1) лингвистические: общезыковые и особенно диалектные польские словари и лексикологические исследования; 2) фольклорные (сборники фольклорных текстов); 3) опубликованные этнографические описания (они нередко содержат лексику, которая не фиксируется словарями, и дают необходимые сведения о соответствующих культурных реалиях); 4) архивные этнографические и фольклорные материалы, почерпнутые из архивов кафедры этнографии славян Ягеллонского университета (Краков), сектора этнолингвистики филологического факультета Люблинского университета им. М.Кюри-Склодовской и сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики АН СССР; 5) собственный полевой материал, собранный по специальной программе в 15 селах белорусского и украинского Полесья; 6) источники для сравнительного изучения: этнографические, фольклорные и лингвистические описания, словари и исследования по восточно- и южнославянской, балтийской и германской народной мифологии.

Базой исследования послужил предварительно составленный автором этнолингвистический словарь польской мифологической лексики, включающий более 1500 лексем. (Индекс и образцы статей словаря, иллюстрирующие различные аспекты обсуждаемых в диссертации проблем, приводятся в Приложении). Словарь обеспечил полноту и единообразие обработки необходимого лингво-этнографического материала, подвергнувшегося в нем систематизации и стратификации.

Значение работы. Собранный материал может быть использован для сравнительно-лексикологического и этимологического исследования славянских языков; для составления словаря славян-

ской мифологической лексики, этнолингвистического словаря славянских древностей; реконструкции древних мифологических представлений славян и сравнительной славянской мифологии.

Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, библиографии и семи Приложений.

Во Введении определяется проблематика и цели работы, характеризуется ее предмет, методика и задачи исследования, использованный материал и источники. Дается краткая оценка имеющихся исследований в области терминологии народных верований (подробная история вопроса вынесена в Приложение).

Глава I "Семантические мотивационные модели польской мифологической лексики в сравнении с германской и балтийской" открывается параграфом "Система МП и ее отношение в терминологии", посвященным проблеме идентификации отдельных МП, которая возникает в связи с неоднозначностью соотношения имени и денотата: с одной стороны, одним именем могут обозначаться в разных локальных традициях разные МП (так, термин *maszyna* известен в знач. "богинка, МП, подменяющий детей" и "МП, заводящий людей на бездорожья"); с другой стороны, демоны, обладающие одним набором признаков, носят разные имена (огненный летучий МП, приносящий в дом богатство, обозначается терминами *latalec*, *kłobuk*, *ajtwaras*, *skrzat*, *szala*, *pełch*, *trach*, *źmieję* и др.).

Надежное основание идентификации, сравнительного анализа и классификации МП — учет всей совокупности дифференциальных признаков, составляющей образ МП. Эти признаки касаются названий и имен МП, их внешнего облика, ипостасей, генезиса, локативных характеристик, времени появления, характерных действий и др. МП отличаются друг от друга как набором признаков, так и их конфигурацией. Нередко одни из иерархически организованных признаков имплицитно подразумевают другие (локализация МП в воде предполагает его злокозненность). Доминирующие в образе МП признаки часто становятся основой номинации МП. Так, ведущая в образе демона, душащего людей во сне, функциональная характеристика отражена в большинстве его названий (*zmora*, *mar*, *duśiołek*, *gnieciuch*, *siodko* и др.). Номинация МП носит регулярный, системный характер. В соответствии с групповым принципом номинации (термин С.М.Толстой) выбор мотивационной модели зависит от класса, в который входит МП. Так, на-

звания лесных демонов мотивируются обычно по признаку связи с лесом (borowiec, borowa ciotka, lasowy и др.), а названия МП, управляющих атмосферными явлениями — по объекту действий (płanetnik, chmurnik, wietrznik). Экстралингвистическая обусловленность семантических моделей номинации выявляется при сравнении названий МП отдельных групп в разных традициях. В тех областях славянского мира, где домашние МП мыслятся как устойчиво связанные с домом (рус., бел., вост.- и центр.-укр. регионы), именно локус обитания как доминирующий в их образе признак кладется в основу их названий (рус. домовой, залечник, укр. и бел. домовык и др.). В тех же традициях, где МП, связанные с человеческим жилищем, мыслятся как приходящие (прилетающие) в дом извне (Польша, укр. Карпаты, некоторые области России), в основу номинации обычно кладутся их функциональные характеристики (функция приумножения богатства, ср. пол. wrotych, plonek, wab). Явление "конкуренции" различных способов номинации в рамках названий МП одного класса также отражает особенности экстралингвистического уровня: нередко в образе демона выделяется несколько соперничающих по "весу" доминирующих признаков, ср. названия пол. водяного по происхождению из утопленника — topielec, по функции — topnik (топит людей), по месту обитания — wodnik.

После обзора существующих в славянской научной литературе классификаций названий МП по способам номинации выделяются следующие основные семантические модели польских названий МП.

Наиболее распространены наименования по внешнему облику, особенно по тем чертам, которые подчеркивают "иномирность" МП. Это признаки хромоты, кривизны (kulawy, kucu "черт"), маленького роста МП (małoludek "гном"), отдельных зооморфных черт (kopytnik, rogala "черт") или зооморфного облика в целом (zając w żóse "полевой МП"), волосатости, косматости (kosmacz, лит. vilnonius "черт"), огненной природы (ognisty, нем. Feuermann), цветовых характеристик (czarny, biała pani), одежды (полес. капельшники), антропоморфного облика (rzana baba). У германцев более популярны наименования МП лексемами, обозначающими людей (слова со знач. "человек", "женщина", "старик": wilder Mann, alte Leute, Roggenmuhme), распространенность в немецких терминах уменьшительных суффиксов (Männlein, Waldweiblein) отражает характерное для германцев представление

о МП в виде маленьких человечков. Шире, чем в польском, представлено в немецком название МП материами (Kornmutter), у латышей это основной способ обозначения женских локальных МП (Dārza mate).

Наименование по характерным действиям по числу мотивированных терминов конкурирует с предыдущей моделью. Популярность модели связана, вероятно, с "функциональным характером определения понятий" (Л.С.Виготский), характерным для детского и архаического мышления. Модель является основной в названиях чёрта (kusielec, psotnik, kat), демонов, душащих людей во сне (zmora, масек), вызывающих болезни (mornica), сбивающих людей с пути (błąd, zwodziciel), а также в названиях мифологизированного вихря (kręcek) и колдунов (bab-rak). Для водяных (toprek) и богинок (gonicha) наименование по функции — один из возможных способов обозначения. Кроме злокозненных функций, в основу названий МП кладется иногда нейтральный признак характера движения (latawiec, płynnik) и его патронажные функции (домашние МП: wroguz, gospodarczyk). Названия, указывающие на МП, приносящих богатство, как на производителей действия, обозначаемого глаголом srać (srajek, srala), соотносятся с распространенным фольклорным мотивом превращения экскрементов в деньги при переходе из мира МП в мир людей. Лексемы того же семантического круга привлечены в purtk, gnojǎř "чёрт" и др. Часты наименования по издаваемым МП звукам (gwizdek, kwik, hophop); ту же мотивировку имеют, видимо, архаические названия МП, которыми пугают детей (szmacz, buba), ср. развитие значения "издавать звуки" — "пугать", отмечаемое В.Н.Топоровым для балтийских лексем (прусс. Baubis). У балтов и германцев популярна мотивировка названий МП глаголами с семантикой "стучать" (лит. bildukas, нем. Klopferle) и "приходить", "ступать" (дат. genganger), нехарактерная для польского.

Наименования по месту обитания — основные для лесных (borowiec), полевых (żytnica), болотных (rokita) демонов; для водяных и домашних МП это лишь одна из возможных моделей (wodnica, domowy dziadek). Если в состав польских наименований МП входят обычно корни, обозначающие крупные пространственные сферы (лес, вода, море, поле) (хотя изредка фиксируются и названия типа miedzник, podlodnik), то в наименованиях немецких МП наряду с обозначениями крупных локусов (Waldfrau, Wasser-

mann) часто упоминаются мелкие пространственные объекты (Moosleute "моховые люди", Brunnenweib "колодезная женщина" и проч.). Популярны у германцев и балтов обозначения МП по признаку их локализации под землей (нем. Erdmännchen, латыш. zemes dievs, лит. žemėratis) у поляков фиксируются спорадически (podziemek).

По времени появления получают названия полуденные (przurołudnik) и ночные МП (chlara nocna). Поскольку к полудню приурочены обычно полевые МП, а к ночи — МП, вызывающие детский плач и бессонницу, названия типа роłudnica и polnica, nocznice и рlasczki часто выступают параллельно как синонимичные. Известный германцам принцип номинации по приуроченности к календарным праздникам (нем. Perchta < gerperhta naht) в польском не обнаружен.

Наименования МП — оценочные (обычно отрицательные) характеристики часто даются черту (lichu, лит. negeras). Названия домашних МП могут содержать положительную оценку (dobre, нем. die Guten "цверги", лат. bonae res "домашний дух"; пол. krasnoludki, kraśnięta "гномы" Ф. Славски связывает с kraśny, имевшем значение "добрый"). Положительные эпитеты, применяющиеся к злым духам, имеют целью задобрить их или магическим образом повлиять на них (серб. добринке "оспа"). Некоторые термины содержат "уменьшающую" МП оценку (полес. пустбѣ, ничбѣгѣ).

Наименования МП по связи с предметом или явлением называют объект действия (skarbnik "МП, охраняющий клад") или атрибут МП (sierpiętnica "полудница" (появляется с серпом)). Богаче представлены подобные названия у германцев и балтов (нем. Hakemann "водяной" (от названия крюка, которым затягивает жертву), прус. Wiczbirbius "(бог) пчел").

Наименования по происхождению указывают на связь МП с душами умерших (niechrzzeniec) или низвергнутыми с неба ангелами (лит. prakeiktasis angelas).

Наименования апотропеического характера представляют собой свернутые заклинания, отгоняющие, обезвреживающие нечистую силу (предкарп. той, бодай моци не маь), содержащие имя Бога (нем. Gottseibeius "черт", досл. "Бог с нами") или упоминающие апотропеические предметы (świnie gówno "черт-вихрь").

Наименования предписательного харак -

т е р а даются персонажам формул утращения детей (nierasciornik "МП, хватающий детей, не желающих молиться" < pacierz "молитва").

В польской народной демонологии представлены также о н о - м а с т и ч е с к и е наименования: mikołaj, michał(k), Iwan "черт" (Это обычно имена святых или иноязычные имена). Если у поляков имена собственные даются обычно злым духам и носят отрицательную окраску (ср. эпитеты: głupi Jasio "вихрь", то у германцев они нередко даются домашним МП и носят задабривающий характер (Guter Johann).

К явлению косвенной номинации отнесены случаи, когда для описания МП используются безличные конструкции, местоимения (ono, to, owo), описательные обозначения (jakiś pan w kapieluszu). Способ обозначения МП обусловлен логикой развития сообщаемой о нем былички: косвенные обозначения выступают обычно в первой части текста, при описании столкновения человека с некоторыми страшными, непостижимыми явлениями, тогда как прямое название МП — в конце текста, где дается "разгадка" происшедшего.

Специальный раздел I главы посвящен мифологической лексике в других семантических регистрах (термин Н.И.Толстого). Круг лексики, содержащей демонологические термины, выявляет деривационный потенциал мифологической лексики, является одним из источников изучения и реконструкции названий МП. Характер отношений между обозначением демона и термином другого семантического регистра различен: если в одних случаях мы имеем дело с процессами мотивации (Djabelnica "гора" < diabeł) и семантического перехода, то в других наблюдается характерная для архаической терминологии синкретическая нерасчлененность обозначения МП и явления реальности, которые воспринимаются как слитный образ (płaczki "детский ночной крик" и "МП, его вызывающие"; mora "бабочка" и "демон"). Общие наименования МП и болезней, МП и некоторых животных, насекомых, считающихся их ипостасью, имеют регулярный характер. Наиболее устойчиво с мифологической лексикой связываются: м е т е о р о л о г и ч е с к а я лексика (лит. vėlnių veselia "метель", досл. "свадьба чертей"), з о о л о г и ч е с к а я (szarownica "жаба"), б о т а н и ч е с к а я (żarną mac "спорынья"), м е д и ц и н с к а я (oparzenie wieszczuzone "детское кожное заболевание"), т о п о - н и м и ч е с к а я (Góra Czarnoboga "гора").

В главе II "Структурная (словообразовательная) и генетическая характеристика польской мифологической лексики" предложен анализ строения и происхождения мифологических терминов.

В § I представлен обзор словообразовательных моделей названий МП, имеющих различную соотносительную регулярность. Выбор мотивирующей основы и словообразовательных формантов зависит от семантических моделей номинации. Способы образования названий МП различны.

1) А ф ф и к с а л ь н ы й способ. а) Суффиксация. Фиксируются форманты с компонентами -с- (-es: topies, 10 слов; -ic(a): latawica, 50 слов и др.); -ch- (-uch: smoluch, 6; -ich(a): różnica, 6 и др.); -cz (-asz: kosmacz, II); -k- (-nik: miotelnik, 50; -ka: gniotka, 46; -ek: purtk, 46; -ik: żytnik, 29; -ak: kudad, 15 и др.). Из суффиксальных наиболее регулярны термины, мотивированные глаголами. Они имеют значение "производитель действия" частотны суф. -nik (szkodnik, 15), -ek (straszek, 10), -ak (wrywak, 7), -ka (odmieńka, 10), ∅ (błąd, 25), -asz (odczyniasz, 7), реже - "объект, результат действия (podcier). Прилагательными мотивированы слова со знач. "носитель признака"; преобладают суф. -ik (błądnik, 24), -ka (południówka, 6). Образованные от существительных термины ("носитель предметного признака") включают суф. -nik (korytnik, 24), -ica (wietrzyca, 10), -arz (rokiciarz, 6); многочисленны слова со значениями женскости (-ica: opica, 26; -ka: czarajka, 21), невзрослости (diablak, czarcię), с уменьшительным (-ek: purtaczek, 21) и увеличительным значением, а также слова, синонимичные мотивирующим (djablón). б) Префиксация (arcypurtk, kudiabel), в) Префиксально-суффиксальный способ (niebielnik).

2) Б е з а ф ф и к с и ш ь н ы й способ: а) субстантивация прилагательных (wieszczy) (ср. названия, построенные по образцу фамилий: (pan) Rokicki) и причастий (przeklęty); б) сложение (dziwożona), сращение (złyduch), составное слово, словосочетание (baba grochowa); в) лексико-семантический способ (rokita "болотный МП" < rokita "ракитовый куст"; stári pińdel "злой МП в виде старика, несущего узел с грехами", досл. "старый мешок").

В особом разделе рассматриваются случаи искажения фонетико-морфологического облика названий МП: контаминации (czarajt "колдун" < czaraj "то же" и czart "черт"), субституции фонем (biabuŃ < diabeł), усечение (лит. vels < velniaus "черт"), метатезы (miedźwa < wiedźma), вставления протетических согласных (hąpi, ropi "упырь" < opi "то же"). Эти явления могут быть вызваны несколькими причинами: 1) стремлением "освоить" слово, придав ему привычный для системы данного языка фонетический облик ("освоение" часто сопровождается народно-этимологическим (пере)осмыслением слова); 2) стремлением к табуизации мифологического термина (считается, что искажение слова нарушает его связь с денотатом); 3) стремлением к экспрессивности.

Следующие разделы посвящены генетической характеристике названий польских МП.

В § 2 рассматриваются и с к о н н ы е названия польских МП, восходящие к праславянским корням *bogъ, *divъ, *črtъ, *bēsъ, *ęga/ęza, *mara, *duchъ. Эти корни, находящие древние индоевропейские соответствия, имеют ключевой характер в сфере славянской морфологической лексики. Спектр их значений различен: континуанты *črtъ и *bēsъ обозначают черта, а континуанты *mara — МП, душащего людей во сне, тогда как парадигма терминов, производных от *bogъ, очень богата: они обозначают женского МП, подменяющего детей (пол. boginka, ubogini, слц. bohynka, укр. bohynia, ср. слц. bohyně "ряженые"), домашних МП (пол. bożęta, ubożę, каш. bożi lędze, слц. bożik, ср. нем. GüteI "домовой", досл. "божок"), демонов болезней (пол. bożek "МП, душащий людей во сне", рус. диал. богинка, з.-болг. богинка, с.-х. богинье), колдунов (слц. bohyna, чеш. boh, bůžek), чërта (словин. będg, укр. божок, пол. редк. czaraj bóg).

Для каждого из указанных корней дается этимологическая характеристика.

В § 3 очерчен круг з а и м с т в о в а н н о й мифологической лексики, пришедшей в польский через книжные традиции (греческую и латинскую: bazyliszek, lucyfer и др.) и заимствованной от соседей: немцев (bergajst, klabatnik), балтов (ajtwaras, ławmy) и инославянских народов: восточных славян (dydko, kazytka, łukawy) чехов и словаков (czechman, kuźlak, wlestowna). Через словацкий в польский язык пришли мадьяризмы (bosiorka, siarkań). Единичны заимствования из романских язы-

ков (*meluzyna*). Некоторые лексемы мифологического характера заимствованы из польского в другие языки (лит. *patempionas*, нем. *Tscharowniza*).

Соотношение исконных/заимствованных лексем и их денотатов различно: а) "свой" МП обозначается заимствованным именем (*strzygoń* "упырь" < лат. *striga*); б) заимствованному образу МП дается "свое" имя (сев.-пол. гномы, являющиеся (по крайней мере по многим своим чертам) результатом германского влияния, носят пол. названия типа краснолюдки); в) имя заимствуется вместе с образом МП (верховный дьявол *Antychryst, Belzebub*).

В главе III "Польская мифологическая лексика в коммуникативном аспекте" характеризуются особенности функционирования мифологической лексики, отношения к ней и оценки ее носителями языка и традиции. Специфика функционирования мифологической лексики обусловлена особенностями ее семантики (соотнесенностью с особым, противопоставленным человеческому фрагментом мира) и ее особым семиотическим статусом (особым характером связи знака и денотата).

Характер использования мифологической лексики во многом задается двумя характерными представлениями. 1. Произнесение имени МП вызывает или даже порождает демона (ср. сюжет о возникновении мары - демона, душащего людей во сне, - вследствие случайного произнесения восприимчивыми при крещении слова мара). Действительность произнесенного названия не зависит от коммуникативного намерения говорящего, она сохраняется и при цитатном или переносном употреблении слова. Высказывание, содержащее упоминание МП, имеет, помимо непосредственного адресата, второго адресата - незримо присутствующего демона, который является (актуализируется) при произнесении его имени. 2. Произнесение имени МП помогает и збавиться от него: "имя беса представляется какой-то таинственной сущностью его, обладать им все равно, что обладать его носителем" (Ф.А.Рязановский).

В связи с этим возникает стремление, с одной стороны, табуировать имя МП, а, с другой, узнать, назвать его.

Пути преодоления трудностей, связанных с запретом на произнесение названий МП, различны. 1) Имена МП заменяются эвфемистическими обозначениями (вместо *diabeł - grzech, pokusa*), местоимениями (*ten, ono, coś*, лит. *tas* (этот), *anas* (тот) "черт"),

описательными и безличными конструкциями. Подставное обозначение мыслится как знак, лишенный той связи с денотатом, которая характерна для "настоящего" наименования; возможно здесь и применение стратегии обмана или задабривания МП. 2) Названия МП и скажаются, теряя связь с денотатом и становясь "безобидным" знаком (кашуб. *diobel i diebel* считаются более слабым ругательством, чем *diábel*). 3) Упоминание МП сопровождается особыми формулами или ритуальными действиями. Ср. формулы-проклятия (укр. "Дябоў, нех спит як камін"), формулы-отсылки (серб. "Далеко му лепа кућа"), формулы, являющиеся переводом на вербальный уровень ритуальных защитных действий ("Плюй, дуй на сатану" - полес.), призывающие имя Бога, и др. Заклинательные обороты могут становиться названиями МП: укр. той -щезби, нем. *Gottseibeius* "черт".

Строгость табуирования названий МП и повествующих о них текстов зависит от нескольких факторов. 1) Характер упоминаемого МП ("степень злокозненности"). Наиболее строго табуируется имя черта. 2) Временные и пространственные обстоятельства произнесения имени МП: время и место особой активности нечистой силы (ночь, полдень; болото, лес, баня), а также сакральное, "чистое" время и место (воскресенье; в доме, при печи, при иконах). 3) Присутствие существ, особо подверженных злокозненному воздействию МП (дети, особенно некрещенные, домашние животные).

Еще одно характерное проявление особого семантического статуса названий МП - народная этимология, разделяющая слова семантической мотивировкой на основе их сближения с созвучными словами. В основе народной этимологии лежит стремление уравнивать, привести в соответствие имя и денотат. Признаки, используемые при народно-этимологическом осмыслении названий МП, совпадают в основном с мотивирующими признаками, рассмотренными в гл. I. Это функциональные характеристики (*skrzat* < нем. *Schrat* сопоставляется с *skrzeczeć* "пищать, верещать"), черты облика МП (полес. русалка < брóслый > брусáўка), место пребывания (*boginka* связывается с *bogniska* "болота"), связь с предметом (*rusawka*, полес. росáўка сопоставляется с росá).

Далее рассматриваются случаи этимологической магии, когда народноэтимологическая трактовка слова порождает новые мотивы верований о МП (сближение пол. *strzyga* "упырь", рус. вологод. стрига "МП, вредящий скоту" с глаголом

strzyc, стричь повлияло, вероятно, на возникновение представления о стрижке как характерном действии этого МП).

Особенности отношения носителей архаической традиции к мифологической лексике, ее прагматики и функционирования прослеживаются в сообщающих о них текстах.

В главе IУ "Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста" рассматриваются речевые жанры, сообщающие о МП, такие как поверье, быличка, сказка, легенда, запреты, формулы запугивания детей и др. (§ I), а также тексты, произносимые людьми при обращении к МП (§ 2) и тексты, приписываемые самим МП (§ 3). Речевые жанры понимаются в духе М.М.Бахтина, они включают и жанры, которые принято называть фольклорными, и речевые жанры в традиционном понимании.

Рассмотрение жанровых особенностей текстов (их сюжетно-композиционной структуры, тематики, стилистики, интенции жанра, онтологического статуса представленного в них мира (реальность, допускосимость, фиктивность), этнографического контекста) необходимо для установления соотношения текстов о МП с характеристиками МП в верованиях. Это соотношение зависит от трех моментов.

1) Степень непосредственности отражения верований в тексте. Жанры можно сравнить с осколками зеркала, отражающими народные представления, причем каждое зеркало оказывается в той или иной степени кривым. Одни жанры (быличка, поверье) отражают верования достаточно непосредственно, в других этнографический образ МП подвергается трансформации (ср. "фольклоризацию" образа водяного в сказке). 2) Степень ориентированности текста на сообщение о МП. Если для одних жанров характеристика МП — центральный момент (быличка, поверье), то в других образы демонов привлекаются лишь как "вспомогательный материал". Так, в сравнительном обороте "marãã p^{ko} ty nosu iak takã mara" ("слоняешься ночью как мара" — о человеке, который не спит ночью) в центре внимания находится не фигура МП, а характеристика человека, хотя косвенно текст и содержит сведения о демоне. 3) Различная жанровая закреплённость МП: одни представлены значительным числом жанров (змора фигурирует в поверьях, быличках, сказках, бранных формулах, сравнениях и др.), другие — одним-двумя жанрами (о планетнике сообщают поверья и былички).

В § I "Фольклорно-речевые жанры демонологического содержания"

дан обзор жанров, сообщающих о МП. Основной жанр, в котором выступают МП – быличка – повествование о встрече с демоном, имеющее установку на аутентичность сообщаемого. Сюжетные звенья былички – экспозиция; встреча; "откровение" (саморазоблачение) МП; злокозненные действия; развязка (2 последние звена имеют факультативный характер). Быличка осуществляет механизм названия – освоения страшного, особую роль играет в ней имя МП: рассказывание о страшном и название его по имени представляют собой единый динамический знак.

П о в е р ь е , как речевой жанр, содержащий описательные сведения о фрагментах народных верований, акцентирует доминирующие признаки МП и играет роль их "дефиниций". Сфера употребления поверья ограничена обычно ситуациями общения с представителями "чужого" коллектива (приезжими, собирателями) или "профанными" членами своего коллектива (детьми), что связано с отсутствием потребности "в экспликации" сведений о МП внутри самого народного коллектива. Нередко поверье текстологически связано с быличкой, исполняет по отношению к ней роль зачина.

Остальные жанры ограничены по набору выступающих в них МП. Героями сказки может быть водяной, змора, краснопудки, упырь, черт, смерть, героями легенд и преданий – черт, великаны, гномы; в песнях польские МП (в отличие от южно-, восточнославянских и германских) упоминаются редко.

В разделе, посвященном так называемым малым жанрам, отмечается "жизнеспособность", устойчивость этих текстов, функционирующих и тогда, когда вера в существование МП стирается. Тексты малых жанров разделяются на 2 группы: 1) тексты, стремящиеся повлиять на поведение собеседника (запреты, предписания, формулы запугивания детей); 2) тексты объяснительно-сопоставительного характера: а) объясняющие явления действительности (формулы интерпретации реальных явлений, приметы, толкования снов; б) сопоставляющие фрагмент действительности с фрагментом мифологического уровня (сравнения, пословицы, поговорки). Устойчивость малых жанров обусловлена их свойствами: 1) "практической направленностью": тематической и коммуникативной привязанностью к ситуациям повседневной жизни (они соотносят сверхъестественный и повседневный, бытовой уровни); 2) особенности организации: краткость, клишированность.

В § 2 рассматриваются тексты, произносимые людьми в ритуальных ситуациях обращения к МП. Поведение человека в этих ситуациях

представляет собой единый синкретический текст, объединяющий элементы разных кодов: акционального, предметного, вербального; вербальный компонент, отличающийся особой устойчивостью, наиболее полно отражает семантику и функции общего текста. Обращенные к МП тексты отражают отношения между миром людей и миром МП: 1) сосуществование этих миров, 2) "разделение владений" между ними. Специфика коммуникации с МП зависит от его характера: отношения с МП-патронами определенных локусов (особенно с домовым), с которыми человек делит пространство, более "нормализованы" и разнообразны, чем отношения с чертом и другими МП, не закрепленными пространственно; вторжение их в мир людей непредугаданно, и отношения людей к ним сводятся к мерам по их изгнанию; иной контакт с ними опасен и предосудителен, в него вступают колдуны и участники гаданий.

Основные типы коммуникативных текстов: 1) формулы жертвоприношения, в основе которых лежит магический механизм "дар за дар"; включают вокативную формулу, приглашение принять дар и просьбу ("Bożęta, bożęta, niech každy pamieęta o dzieciach, o chacie, a tu prowo macie"); 2) формулы прошения (выступают в вост.-слав. традиции преимущественно по отношению к домовому); 3) благодарственные, приветственные и вопросительные формулы; 4) формулы вызывания нечистой силы (с целью черной магии, порчи, гадания); 5) формулы отгона МП; нередко в них упоминаются предметы-обереги: сало, чеснок, экскременты, хрен, полынь), сообщается о чуде, используется брань.

§ 3. Тексты, приписываемые МП, свидетельствуют о принадлежности МП к иному миру (заумная, глоссолалическая, искаженная речь) и подтверждают основные функции МП (заманивают, угрожают, требуют, предсказывают будущее); речевые акты МП имеют особую магическую силу (произнесение демоном имени человека вызывает его смерть).

В заключении сформулированы выводы из диссертации. 1. Мифологическая лексика – один из древнейших пластов лексического фонда, отличающийся своей культурной маркированностью, тесной связью с мифологической картиной мира древних славян. 2. Специфика семантики исследуемой лексики (соотнесенность с сверхъестественным миром МП) отражается и в ее лингвистических характеристиках (зависимость моделей номинации и словообразовательных мо-

делей от доминирующих этнографических характеристик МП, связь с другими лексико-семантическими группами). 3. Польская мифологическая лексика по происхождению – в основном праславянская. Однако в ней достаточно широко представлены заимствования, являющиеся результатом как книжного влияния, так и контакта с соседними народами. Рассматриваемая лексика дифференцирована в ареальном отношении: она включает как общеславянские, так и сугубо локальные термины. 4. Сравнение с германским и балтийским материалом выявило как схождения, касающиеся структуры и функционирования названий МП, так и черты расхождений (большая дробность мотивирующих признаков у германцев и балтов, их несколько иной набор, отражающий экстралингвистические особенности). 5. "Культурное" содержание мифологической лексики обуславливает ее прагматические характеристики, она становится орудием магии, объектом табу и народной этимологии. 6. Мифологическая лексика – ключевой элемент ряда речевых жанров (быличка, поверье, сказка, запрет, предписание и др.). 7. Исследование показало продуктивность комплексного этнолингвистического подхода к культурной терминологии. Его результаты могут быть использованы лингвистами, этнографами и фольклористами. Они дают материал для реконструкции древней славянской духовной культуры и мифологии.

К диссертации прилагаются: 1) библиография, 2) очерк "История вопроса", 3) индекс польской мифологической лексики, 4) обратный индекс польских названий МП, 5) указатель балтийских и германских лексем, 6) образцы статей словаря польской мифологической лексики (Водяной, Планетник, Богинка, Лесные МП и др.), 7) положенная в основу статей словаря схема описания МП, разработанная сотрудниками сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Публикации по теме диссертации:

1. Говорит нечистая сила // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. I. – М., 1988. – С. 100–103 (0,25 п.л.).
2. Рец. на кн.: Pełka L. Polska demonologia ludowa // Советское славяноведение. – 1990. – № 2. – С. 105–107 (0,25 п.л.).
3. Богинки. // Мифологический словарь. – М., 1990. – С. 98 (0,1 п.л.).
4. Речевое поведение мифологических персонажей. // Славянский и балканский фольклор. – М., 1990 (0,6 п.л.)

Подписано к печати 18.04.90
Объем 1 п.л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Зак. 91

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

